

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Е. С. ГОЛУБЦОВА, *Сельская община в Малой Азии III в. до н. э. — III в. н. э.*, М., Изд-во «Наука», 1972, 187 стр.

Рецензируемая книга представляет собой по существу вторую часть исследования малоазийской сельской общины, предпринятого Е. С. Голубцовой. Первая его часть, посвященная сельской общине на государственной земле, вышла в 1962 г.¹ Во второй части рассматривается община на землях, принадлежавших полисам. В рецензии на первую монографию Е. С. Голубцовой² нам уже приходилось отмечать значение избранной ею темы для изучения общих закономерностей развития античного мира, его кризиса и генезиса феодальных отношений: без исследования различных форм организации сельского населения, непосредственно связанных с формами земельной собственности, нельзя проследить эволюцию рабовладельческого способа производства, античной формы собственности, а следовательно, объяснить целый комплекс явлений социальной, политической и культурной истории эллинистических государств и Рима. За последнее десятилетие в СССР и за рубежом вышел ряд работ, так или иначе затрагивающих вопросы аграрных и рабовладельческих отношений в различных районах эллинистического и римского мира. Эти работы подтверждают справедливость упомянутого тезиса, а также указывают и на другой факт: при всей видимости нивелировки отношений в рамках больших политических комплексов на самом деле в различных их районах отношения отличались значительным разнообразием. Своеобразие в каждом конкретном случае определялось характером взаимодействия античной формы собственности, античного рабовладельческого способа производства и местных форм собственности и эксплуатации, развитых больше (в старых классовых обществах) или меньше (в обществах, еще только переживавших эпоху разложения первобытнообщинного строя). Синтез, возникавший в результате взаимовлияния, взаимопроникновения различных укладов, и определял лицо того или иного района и его историю. Рабовладельческий уклад был представлен античным городом, сосуществовавшие с ним уклады — другими типами производственных отношений, среди которых одним из важнейших была сельская община.

Как сказалоcь на судьбах общин, расположенных на территории городов Малой Азии, влияние античного полиса? Этот вопрос и исследуется в рецензируемой монографии. Она представляет особый интерес благодаря тому, что автор имеет возможность сопоставить полученные результаты с результатами своего первого исследования, где рассматривались общины, лишь в минимальной степени подвергавшиеся влиянию города, рабовладельческих и товарно-денежных отношений. В некотором смысле такое направление работы заменяет невозможный для историка эксперимент, поскольку изучается один и тот же феномен, поставленный в разные условия.

¹ Е. С. Г о л у б ц о в а. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. Независимая сельская община, М., 1962.

² ВДИ, 1963, № 3, стр. 154—158.

Конечно (и обстоятельство это неоднократно отмечает автор), источники не дают возможности ответить на многие возникающие вопросы, а на другие позволяют дать лишь гипотетические ответы. Известно, что неоднократно подвергалось сомнению само существование общины в античном Средиземноморье, поскольку имеющиеся источники, в подавляющем большинстве эпиграфические, несмотря на их обилие, не содержат сведений, которые бесспорно и однозначно свидетельствовали бы о наличии общины со всеми признаками, позволяющими идентифицировать ее как таковую.

Думается, однако, что подобные сомнения не так уж основательны. Во-первых, община того ли иного ли типа, от кровнородственной до сельской, была необходимым условием существования и функционирования мелкого землевладения во всех докапиталистических формациях. Если в ту или иную эпоху, на той или иной территории дело обстояло иначе, то именно такой факт, а не наличие общины в других случаях должен быть доказан и объяснен. Во-вторых, наличие общин в Римской империи и их значение, возраставшее с развитием кризиса рабовладельческого способа производства, зафиксировано юридическими источниками и речь может идти лишь о том, в каких провинциях община сохранялась в наибольшей степени. В-третьих, отсутствие данных о каких-нибудь признаках, обычно связывающихся с общиной (например, периодических переделов земли), не может служить аргументом против наличия общины. Переделы для стадии достигнутой сельской общиной, вообще не характерны, и, кроме того, соответствующие данные могли до нас просто не дойти, так как сведения о сельском населении вообще очень скудны. Но, если мы можем выделить поселения, которые были коллективными собственниками отведенной им земли, разделенной на общинные угодья и индивидуальные наделы, причем все сочлены были связаны круговой порукой, а не отвечали за наложенные на них повинности индивидуально, если владение землей определялось принадлежностью к коллективу общинников (хотя бы из этого правила и делались исключения), если соседи имели какие-то права на взаимопомощь и на ограничение тех или иных — связанных с имуществом и его использованием — действий друг друга, мы, по-видимому, можем с достаточной уверенностью говорить об общине, и остается только попытаться определить ее тип. Наконец, о живучести общин в ряде провинций свидетельствуют и многие косвенные данные, которые для Малой Азии собраны и интерпретированы Е. С. Голубцовой.

В отличие от предыдущей монографии, где автор ограничил свое исследование эпохой Римской империи, в рецензируемой книге первая часть посвящена сельской общине периода эллинизма. Значительно меньший, чем для первых веков нашей эры, объем материала не позволил автору охарактеризовать отдельные общины на различных категориях земель. Но в том, что касается проблемы общины в целом, все данные, которые можно было извлечь из эпиграфических и нарративных источников, собраны и истолкованы с возможной полнотой и с учетом историографии разбираемых вопросов. Расширение хронологических рамок исследования позволило расширить и наши представления об эволюции общины.

Первая часть книги состоит из четырех глав: 1. Источники; 2. Политическое положение сельской общины; 3. Экономическая жизнь сельской общины; 4. Социальные отношения. Очень подробно разбирается вопрос о значении различных встречающихся в текстах наименованиях сельских поселений, в первую очередь наиболее распространенных, т. е. ком и катойкий. Дается список известных катойкий, сведения об этническом составе катойков, переселявшихся в Малую Азию из Македонии, Греции, Фракии. При всем различии между отдельными катойкциями и катойками, пишет Е. С. Голубцова, всем им была обща одна черта: частное владение землей, полученной от царя (что отличало катойкии от ком, связанных общинными порядками). Катойки были лично свободными, их передвижение не было стеснено, они имели известные права, например, могли посылать к царю посольства с изложением своих просьб и нужд. Катойки платили налоги за свое имущество каждый самостоятельно, тогда как комы отвечали за свои повинности целиком, согласно круговой поруке.

Категории населения в селах были разные, но не всегда можно установить, когда в надписях идет речь о каких-то определенных социальных слоях, а когда о не имею-

щих социального смысла категориях. К первым автор относит геоктитов (землевладельцев, отличных от общинников-кометов), а также маломощных, не уплативших податей бедняков, наемных работников, рабов. Подробно останавливается Е. С. Голубцова на проблеме *λαοί*, разбирая все упоминания о них в надписях, стремясь установить их отличие от других категорий сельских жителей. Она приходит к выводу, что, вопреки мнению, высказывавшемуся в литературе, не все земледельцы Малой Азии могут отождествляться с *λαοί*. Последних отличало отсутствие личной свободы и то, что царь мог продавать и дарить их вместе с землей. Возможно, что их было сравнительно немного. Наиболее многочисленным слоем земледельческого населения были кометы — все жители общин-ком, за исключением рабов-оикетов. Последние сидели на участках, передававшихся по наследству, и вносили владельцу часть урожая. Многие рабы были пастухами, их упоминали и дарили вместе со скотом. Были и рабы, так сказать, античного типа, по своему статусу юридически приравнивавшиеся к четвероногим; о некоторых рабах известно, что они занимались торговлей.

Сам определявшийся природными условиями тип «оазисного» земледелия обуславливал немногочисленность и замкнутость общин, особенно в горах и долинах мелких рек. Основным занятием общинников было земледелие, кое-где скотоводство, пчеловодство, рыболовство. Все виды имущества и доходы были обложены налогами в пользу городов и царя, весьма тяжелыми и строго взимающимися. Фискальным отношениям уделено заметное место в надписях.

В связи с земельными отношениями и налогообложением Е. С. Голубцова подробно останавливается на различных категориях земель, в частности на понятии и организации хоры. Она приходит к важному выводу о многообразии значений этого термина. Хора упоминается при перечислении владений города наряду с другими владениями и вместе с тем она означала и территорию города, управлявшуюся особыми стратегами, имевшую свою стражу и укрепления. Хора делилась на хорионы, основные податные единицы, перечислявшиеся в кадастрах с указанием на их занятие под различные культуры земли, иногда со скотом и рабами. Видимо, то были хутора или усадьбы. Помимо хоры город имел и некоторую подконтрольную территорию, основными единицами которой были комы. Их зависимость от города выражалась только в уплате налогов. Такой же была и организация земель царя: его хора, т. е. личная собственность, которой он распоряжался по своему усмотрению, и подконтрольные земли, обложенные налогами. Свою хору имели также комы и укрепленные поселения. Такая хора могла быть общинной землей, которой распоряжался сельский сход, или она могла быть поделена между сельчанами на участки. Таким образом, заключает автор, обычное противопоставление полиса хоре без дальнейших уточнений неправомерно.

При эллинизме община среди местных крестьян была издавна сложившейся устойчивой организацией со специфическими социально-экономическими отношениями. Но ряд факторов: войны, тяжелые налоги, проникновение в села товарно-денежных отношений — подрывали кое-где эту организацию, несмотря на сопротивление местного населения эксплуатации, в частности и со стороны городов. Часть общин и общинников разорялась, что способствовало усилению частнособственнического элемента. Он укреплялся в результате наделения землей катойков и выделения частных собственников из других слоев. Их, замечает автор, было значительно больше, чем обычно считают. Судя по противопоставлению геоктитов кометам, они уже не были общинниками. Имена владельцев хорионов упоминаются в кадастрах. Имена некоторых ком происходили от личных имен, видимо, землевладельцев, на земле которых были расположены комы. Вместе с тем во многих общинах сохранялись еще весьма примитивные порядки и в экономической и в социальной сфере.

Часть, посвященная эллинизму, служит как бы вступлением ко второй части книги — «Сельская община в Малой Азии на городских землях в I—III вв.», поскольку обилие материала для этих веков позволяет гораздо более подробно и дифференцированно рассмотреть развитие и модификацию отношений, сложившихся в результате первого соприкосновения античных и местных форм при эллинизме.

Вторая часть также состоит из четырех глав: 1. Источники; 2. Экономическая жизнь сельской общины; 3. Социальные отношения; 4. Политическая и идеологическая жизнь.

В каких-то отношениях существенных изменений по сравнению с предыдущим периодом, видимо, не произошло. По-прежнему основным занятием сельских жителей остается хлебопашество, виноградарство, скотоводство, охота. Как кажется, несколько оживляются ремесло и торговля, хотя данных о них мало. Сохраняется и деление городских земель на собственно хору, в кадастры которой вносились хоріоны с их культурами, а иногда скотом, рабами и соответствующими суммами налогов, и на подконтрольные территории, где свою хору имели комы, в чьи аграрные отношения города не вмешивались, ограничиваясь в основном сбором налогов. Налоги стали более упорядоченными, чем при эллинизме, и были переведены в издольные (десятая часть урожая, взимавшаяся деньгами). Основной тенденцией в общинах на городских землях было развитие частного землевладения, что резко отличало эти общины от общин на государственной земле, где частная собственность прогрессировала слабо. Сохранились сведения об имениях владельцев, носивших как туземные, так и греческие и римские имена, причем владения некоторых семей были довольно значительны. Многие надписи говорят о передаче земель по наследству, что указывает на свободу распоряжения своими участками. Часть земель в общинах сдавалась в аренду городам и частным лицам.

Соответственно более пестрым (и этнически и социально) был здесь состав населения по сравнению с общинами на государственной земле. В большей или меньшей мере (в зависимости от силы разлагающего влияния города) население деревень на городских землях делилось на сельскую верхушку, полноправных общинников и неполноправных, причем каждый из этих слоев тоже был неоднороден. Верхушка включала сельскую администрацию, жреческие семьи и наиболее зажиточных крестьян — протокометов, приезжих из города богатых людей, местных и пришлых эвергетов, которым иной раз удавалось подчинить своему влиянию несколько деревень. Среди неполноправных, составлявших в некоторых селах большинство, были и обедневшие свободные, ставшие наемными работниками или кабальными должниками, и отпущенники разного имущественного положения, и рабы. Среди последних были и люди, принадлежавшие к туземным племенам, и вскормленники (*φραπτοι*), и обычные покупные рабы. Соотношение этих категорий и характер рабства менялись по районам: в восточных и центральных рабство было более патриархальным, в западных, близ больших старых рабовладельческих полисов, преобладали рабы античного типа. Довольно много в общинах проживало отпущенников, частью римских, приехавших в село извне, частью местных. Видимо, некоторые из них занимались ремеслом и торговлей, другие становились земледельцами, рождались с семьями кометов, в отличие от общин на государственных землях, где немногочисленные отпущенники оставались чужеродным телом, не ассимилируясь общиной. Кроме того, в селах на городских землях засвидетельствованы ветераны, покупавшие там участки, рабы — ойкономы частных имений, арендаторы общинных земель — мистоты, переселенцы из Македонии, Египта, Иудеи и т. п. Это обилие чужаков, отличавшее общины на городских землях от общин на государственных, способствовало скорейшему разложению первых. Но силы, их разлагавшим, противостояли силы сплачивавшие, что подтверждается надписями, показывающими, как сильны были общинные связи: посвящения богам за благополучие общины в целом, указания на происхождение из того или иного села в надписях лиц, переехавших в другое место.

Прочность общин была сильнее в центральных и восточных районах, где села помещались на землях небольших полисов с менее значительным развитием товарно-денежных и рабовладельческих отношений. Быстрее слабели общинные связи в западных областях. Подтверждение тому автор справедливо усматривает и в структуре семьи: в западных районах господствует малая семья, в центральных и восточных сохраняются большие семьи (что сближает их с общинами на государственных землях, где большая семья была правилом).

Как и для эпохи эллинизма, Е. С. Голубцова рассматривает различные термины, обозначавшие населенные пункты, — комы, катойкии, их союзы и т. д. Очень интересно ее наблюдение о наличии помимо общераспространенных и иных, малоизвестных и недостаточно понятных нам форм организаций сельского населения (стр. 137). Такие формы прослеживаются и в других провинциях. Как отмечает автор, на городских землях катойкии было меньше, чем на государственных, что объясняется условиями возникновения катойкии при эллинизме на царских, а не на полисных территориях. В римское время катойкии на городских землях могли появиться либо потому, что городам придавалась часть государственных земель, либо в результате вывода колоний из городов в сельские местности. Политическое устройство сел на городской земле было в общем однотипно. Всюду имелись жрецы, администрация, состоявшая из комархов и браветов, герусия и народное собрание. Из городов в села направлялись особые чиновники, парафилаки, иногда больше, иногда меньше вмешивавшиеся в жизнь сел.

Е. С. Голубцова стремится проследить синтез античного и местного элемента также в религиозной сфере. Если города, замечает она, влияли в этом смысле на села, то существовало и обратное влияние: проникновение местных культов в полисы. Синкретизм сельских культов проявлялся в разных формах: в иконографии божеств, в местных эпитетах, придававшихся греческим богам. На прочность общинных связей указывают многочисленные эпитеты богов и богинь, произведенные от названий поселений. Божества воспринимались как покровители всех кометов, которые без различия статуса обращались к ним с просьбами о благополучии общины, не отделяя его от своего благополучия. Вместе с тем Е. С. Голубцова отмечает особую приверженность неполноправных лиц к культу Гелиоса Справедливого, которого она связывает с богом гелиополитов. Для суждений о том, как осознавались эксплуатируемым населением социальные противоречия, вызванные расслоением общин, чрезвычайно важны также приводимые Е. С. Голубцовой надписи, показывающие, что уже во II—III вв. в малоазийских селах имелись христианские общины — факт, как известно, не наблюдаемый в других провинциях, где сельское население вообще очень поздно восприняло христианство.

В «Заключении» автор подводит итог своему исследованию, суммируя данные о влиянии полисных отношений на судьбы общины.

Книга Е. С. Голубцовой основана на детальном и тщательном анализе источников, не только эпиграфических, но и памятников изобразительного искусства — надгробий и алтарей. По качеству памятников и представленным на них изображениям она судит о расслоении сельского населения, его занятиях, идеологии, сопоставляя полученные данные с данными текстов. Выводы автора представляются достаточно обоснованными, а значение их несомненно. Исследование Е. С. Голубцовой не только подтверждает выдвинутый В. Велковым в его работе о рабстве во фракийских областях³ тезис об обратном пропорциональной зависимости прочности общинных и распространении рабовладельческих отношений, но и конкретно показывает, как тот и другой фактор сталкивались и взаимодействовали на протяжении ряда веков. Раскрывается также результат влияния античного полиса, эллинистического и римского, на общину: развитие частной собственности на землю и, как следствие, развитие античного рабства. Вместе с тем мы видим, что соответствующий процесс, даже там, где взаимодействие полиса было наиболее непосредственным, т. е. на принадлежавшей ему территории, не дошел до конца. Община, несмотря не только на близость полиса, но и на непризнание ее прав и притязаний римским правительством (отсюда проникновение в ее среду множества чужаков и выделение частных землевладельцев), все же в той или иной мере сохранялась. Поэтому при благоприятном для нее изменении условий, наступившем с кризисом рабовладельческого способа производства, она могла снова оживиться и стать одним из важнейших элементов генезиса феодализма.

Особого внимания заслуживает сопоставление общины на территории полисов,

³ В. В е л к о в, Рабство в Тракия и Мизия през античността, София, 1967.

где разлагающее влияние последних действовало непосредственно, с общинами на государственной земле, где воздействие на них оказывало только римское государство. Такое сопоставление показывает, что само по себе римское завоевание и включение того или иного народа, племени, территории в римскую державу не вели к их социальной романизации. Она осуществлялась только через посредство античного города, через урбанизацию провинций. Рабовладельческий уклад, представленный городом, был антагонистичен общинному укладу. Но с государственной земельной собственностью, так же как и укладом, представленным экзимирированными императорскими и частными имениями, община совмещалась, и, видимо, чем дальше, тем больше составляла их необходимый элемент, как впоследствии — необходимый элемент феодального строя. Такое соотношение общины с другими укладами подтверждает необходимость дифференцированно рассматривать их историю, пути их феодализации, их место в системе социально-экономических отношений Империи и политике императоров, вынужденных, так или иначе, учитывать и наличие различных укладов, и изменения в их соотношении и удельном весе. Роль в этом смысле крупного землевладения, основанного на труде колонов, изучалась издавна и (хотя и здесь есть еще много спорного) более или менее ясна. Изучение общины, самое существование которой в Римской империи часто отрицалось, еще только начинается, и книга Е. С. Голубцовой вносит ценный вклад в эту работу.

В заключение — несколько замечаний.

Так, например, стоило бы попытаться по возможности более подробно осветить — в связи с формами землевладения — эволюцию положения местного населения. Для некоторых (правда, в основном западных) провинций известно, что представители туземной племенной знати получали римское гражданство, а с ним и более гарантированные, чем для перегринов, владельческие права на свои земельные участки. Е. С. Голубцова упоминает (стр. 75) частных собственников с местными именами и неоднократно приводит имена лиц с римским, в частности императорским, попом и местным *согнопом*. Она склонна в подавляющем большинстве случаев видеть в них вольноотпущенников, но достаточно убедительных оснований для этого нет. Возможно, что, напротив, то были получившие римское гражданство «принцессы» (как их можно, условно обозначить по аналогии с западными провинциями) местных племен. А если такая практика существовала и в Малой Азии, то она должна была значительно влиять на эволюцию аграрных отношений, в частности на общину, из которой выделялись становившиеся римскими гражданами *поссессоры*. Такое же влияние должно было оказать и возрастание числа римских граждан — Аврелиев — после 212 г. Следует иметь в виду, что римский гражданин никоим образом не мог завещать свое имущество перегрину. Следовательно, земля провинциала, получившего римское гражданство, как бы выбывала из земельного фонда перегринских общин, сочленам которых, даже если они были родственниками новоиспеченного гражданина, она уже не могла быть передана. Распространение римского гражданства по эдикту Каракаллы положило этому конец в той мере, в какой перегринское население действительно подпадало под действие эдикта. Вероятно, разница между общинами на городских и государственных землях, которую Е. С. Голубцова усматривает и в незначительном, даже после 212 г., распространении римского гражданства в последних, должна была еще более обостриться. Может быть, допустимо предположить, что императоры сознательно лишь изредка даровали римское гражданство общинникам на государственных землях, стремясь сохранить там общину как административную, фискальную и производственную ячейку, тогда как для общин на городской земле, за которые несли ответственность города, подобные соображения особой роли не играли. Но, как бы там ни было, вопрос о социальной структуре местных племен, в частности об их знати, о связи ее с распространением римского гражданства и соответственно с аграрными отношениями, стоило бы поставить. В этом плане можно было бы использовать данные о «нестандартных» формах объединения крестьян, об ойкономах частных имений в селах и даже о распространенности культа всадника. В других провинциях аналогичные факты, видимо, связаны с наличием слоя племенной знати и ее ролью

среди соплеменников, подвергавшихся эксплуатации в каких-то характерных еще для доримских отношений формах.

Спорной представляется мысль автора о том, что положение крестьян на императорских землях было, во всяком случае в III в., хуже, чем на городских (стр. 73). Ведь именно в III в. императорским колонам предоставлялись известные льготы (например, освобождение от городских повинностей, ставших к тому времени очень обременительными) и часть населения городских территорий, вплоть до декурионов, становилась императорскими колонами.

Вряд ли критерием более или менее патриархальных отношений между патронами и отпущенниками может служить наличие или отсутствие общих для тех и других гробниц (стр. 115). Патроны и отпущенники часто имели общие гробницы и в Италии, где следов патриархального рабства было, конечно, меньше, чем где бы то ни было.

Кое-где в книге встречаются повторения, например неоднократно цитируется надпись об уничтожении должниками долговых записей.

Однако эти замечания не снижают высокой оценки, которой заслуживает рецензируемая книга.

Е. М. Штаерман